

М 35
204.

Ем. Стратоновъ.

801-14
299

**Къ установленію
соборной и приходской
жизни
русской Церкви.**

ИСТОРИЧЕСКІЯ СПРАВКИ.

Цена 15 коп.

МОСКВА.
Типографія „Русскаго Голоса“ (Н. Л. Казецкаго), Мясницкая, д. № 20.
1906.

О составѣ предстоящаго церковнаго собора.

1905 г., 27-го декабря Его Императорскому Величеству благоугодно было обратиться къ первенствующему члену Святейшаго Синода, митрополиту Антонію съ нижеслѣдующимъ Собственно-ручнымъ рескриптомъ:

Ваше высокопреосвященство. Церковная власть въ лицѣ Святейшаго Синода весною настоящаго года заявила Мнѣ о необходимости созвать для устроения дѣлъ церковныхъ чрезвычайный всероссійскій помѣстный соборъ. Тяжелыя обстоятельства на Дальнемъ Востока не дали Мнѣ возможности тогда привести въ исполненіе это благое намѣреніе. Нынѣ-же Я признаю вполне благопріимнымъ произвести нѣкоторые преобразованія въ строѣ нашей отечественной Церкви на твердыхъ началахъ вселенскихъ каноновъ для вѣннаго утвержденія православія. А посему предлагаю вамъ, владыка, совместно съ митрополитами московскимъ, Владимиромъ и киевскимъ, Флавіаномъ, опредѣлить время созванія этого, всеми истинными сынами Церкви ожидаемаго, собора. Поручаю Себя вашимъ молитвамъ.

НИКОЛАЙ².

I.

Въ Петербургѣ, въ залахъ Синода засѣдаетъ съ 8 марта комиссія изъ высшихъ іерарховъ, членовъ Синода и нѣсколькихъ приглашенныхъ, по Высочайшему повелѣнію, частныхъ лицъ. Она имѣетъ своею цѣлью установить составъ и характеръ дѣятельности имѣющаго быть созваннымъ въ недалекомъ будущемъ помѣстного чрезвычайнаго Всероссійскаго церковнаго собора.

Составъ собора—основной вопросъ и первой важности, такъ какъ онъ опредѣляетъ характеръ его дѣятельности и предрѣшаетъ значеніе послѣдней. Далеко вѣдь не все равно: будетъ-ли состоять предстоящій соборъ изъ однихъ только архіереевъ, или изъ архіереевъ и чиновниковъ, или къ нимъ присоединять еще представителей низшаго духовенства, или-же въ его составъ войдутъ и представители отъ мірянъ, при чемъ или только отъ дворянства или отъ всѣхъ сословій? Это тѣмъ болѣе важно, что рѣшенію этого собора будутъ подлежать не только чисто религіозные вопросы, но и вопросы церковно-общественнаго характера.

Исторія даетъ намъ въ этомъ отношеніи цѣлый длинный рядъ примѣровъ.

Въ первомъ вѣкѣ христіанства, такъ называемомъ, «апо-

2011094490

стольскомъ», въ Иерусалимѣ составили чрезвычайный или экстренный соборъ «апостолы, пресвитеры и братія» или «апостолы и пресвитеры со всею Церковью» (Дѣянія апостоловъ, гл. 15). Второй и третій вѣка—время «епископской» Церкви, когда преслѣдованія и гоненія дѣлали болѣе удобнымъ и полезнымъ собраніе однихъ только епископовъ, хотя не исключалось присутствіе пресвитеровъ, діаконовъ и даже мірянъ съ правомъ рѣшающаго голоса. Такой порядокъ, однако, оправдывался тѣмъ, что и низшее и высшее духовенство избиралось приходами непосредственно изъ своей среды. Каждый клирикъ, слѣдовательно, отличаясь отъ мірянъ только своими полномочіями, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ излюбленнымъ человѣкомъ прихода и представителемъ церковной общины, низшей и высшей ступени. Отсюда, естественно, что удобнѣе было собираться возможно меньшему числу людей, и что такое собраніе ничего не теряло въ значеніи своей дѣятельности. Кипріанъ Карфагенскій, сообщая римскому клиру и народу о своемъ намѣреніи, по прекращеніи гоненія Деціева, на соборѣ, разслѣдовать дѣло о падшихъ, добавилъ, что онъ положилъ за правило ничего не дѣлать по своему частному усмотрѣнію, безъ совѣта клира и народа. А Кипріанъ былъ большой сторонникъ власти клира надъ мірянами и его полной независимости. «Кто не вѣритъ Христу, поставляющему священника»,—говоритъ, напр., онъ—«тотъ станетъ потомъ вѣритъ ему отмщеваящему за священника», или: «епископу одному предоставлено начальство надъ Церковью». Римская Церковь отвѣчала Кипріану: «Какъ пріятна намъ твоя мысль—мысль, которую ты и прежде высказывалъ, что въ столь важномъ дѣлѣ—о падшихъ—нужно разсуждать епископамъ, передавая на разсмотрѣніе свое мнѣніе пресвитерамъ и всему народу». Евсевій-же указываетъ, что, по случаю распространенія ереси Монтана, многіе вѣрующіе во многихъ мѣстахъ Азіи собирались для изслѣдованія новаго ученія и, по тщательномъ изслѣдованіи, оно было отвергаемо. Отсюда видно, что въ концѣ II вѣка еще не устранили мірянъ отъ участія въ соборѣ даже при рѣшеніи чисто догматическихъ вопросовъ.

Время отъ четвертаго до девятаго вѣка можно назвать «соборнымъ» по обилію помѣстныхъ всякихъ соборовъ и по вселенскимъ соборамъ, опредѣлявшимъ принятую тогда всѣми церквами догматику христіанства. Но въ отношеніи состава соборовъ этого времени происходилъ постепенный упадокъ. Константинъ Великій говорилъ о первомъ вселенскомъ соборѣ: «Что угодно было тремстамъ епископамъ, это есть не иначе что, какъ мысль самого Бога, особенно, когда въ умахъ столькихъ и такого рода мужей присутствовалъ Духъ Святый, Который открывалъ имъ Божественную волю». Что съ Константиномъ уже тогда не всѣ соглашались, можно видѣть изъ самого обилія экстренныхъ соборовъ и изъ той остроты, съ которой переживала вся Церковь рѣшавшіеся соборами вопросы, а особенно изъ того паденія смысла и значенія церковныхъ соборовъ, которое становилось фактомъ съ IX вѣка. Св. Афанасій, напримѣръ, отрицаетъ справедливость требованія отъ паствы властнаго повиновенія. Онъ совѣтуетъ не вѣрить даже епископамъ безъ всякихъ оснований, не изслѣдуя возможности, полезности, пристойности, угодности Богу или соотвѣтствованія природѣ. Онъ говоритъ: «Всякій человѣкъ, получившій отъ Бога способность различенія, присуждаетъ себя къ наказанію, если слѣдуетъ невѣжественному пастырю и ложное ученіе принимаетъ за истинное». А качество пастырей все становилось сомнительнѣе и сомнительнѣе, по мѣрѣ ихъ оффиціального возвышенія надъ міромъ и освобожденія отъ выборовъ общинами вѣрующихъ, въ чемъ еще Оригенъ видѣлъ гарантію, что служить алтарю и вѣрѣ будетъ наилучшій человѣкъ, что будетъ избранъ тотъ, «кто имѣетъ преимущество предъ всѣми, кто всѣхъ образованнѣе, святѣе и отличается всѣми добродѣтелями», а Кипріанъ называлъ этотъ обычай установленіемъ Божественнымъ. Св. Григорій Богословъ называетъ Селевкійскій соборъ съ 200 епископовъ Каиафинимъ сборищемъ. А что говорилось на самихъ соборахъ по адресу противныхъ партій и послѣ соборовъ недовольнымъ ихъ рѣшеніями! И какихъ трудовъ стоило сдѣлать постановленія соборовъ болѣе или менѣе общепризнаваемыми! Епископамъ прихо-

дилось обращаться къ свѣтской власти, чтобы дѣлать свои постановленія обязательными. Происходило замираніе соборности апостольской Церкви, чему особенно содѣйствовало самый государственный строй Римской имперіи, къ которому стало прилаживаться церковное управленіе. Устанавливается власть патріарховъ и митрополитовъ, при которыхъ «обыкновенные» соборы занимаютъ мѣсто постоянныхъ совѣщательныхъ органовъ, но въ различной степени: въ Византіи и въ Римѣ, гдѣ папа—непогрѣшимъ.

II.

Древняя Россія знала именно этотъ только родъ «обыкновенныхъ» церковныхъ соборовъ, характеръ которыхъ опредѣлялся положеніемъ самой Церкви православной и состояніемъ церковно-приходской жизни. Созывались соборы византійскаго типа, сперва въ Киевѣ, потомъ во Владимірѣ и Москвѣ княземъ или митрополитомъ, а потомъ царемъ или патріархомъ. Предсѣдательствовали, обыкновенно, митрополиты, потомъ патріархъ или старшій изъ присутствующихъ архіереевъ.

Составъ ихъ былъ неизмѣнно одинъ и тотъ-же—архипастыри, что не исключало присутствія низшаго духовенства, но безъ права рѣшающаго голоса, конечно. Часто присутствовалъ на соборѣ и самъ Государь, иногда съ дѣтьми, братьями и со всѣми боярами, которые были, разумѣется, только гостями. Митрополитъ Кипріанъ, исполняя древнія правила (апост. 34; Антиох. 9.), заявлялъ, что можетъ рѣшать важнѣйшія дѣла только съ согласія своихъ епископовъ. Другіе владыки умѣли обходиться безъ собора даже епископовъ, приглашая только ближайшихъ для поставленія новыхъ епископовъ или для ихъ осужденія. Митрополитъ Іоаннъ (1080—1089 г.), писалъ: «Аще (если) не послушаютъ епископы своего митрополита, совокупитися призваны отъ него и сборъ сотворити, посварити (побранить) ихъ отеческимъ наказаніемъ». Въ этомъ смыслѣ созывались соборы 1051, 1147, 1160, 1169, 1525, 1531 и 1566—67 гг.

Даже большой Московскій соборъ 1566—67 гг. состоялъ изъ полноправныхъ 3-хъ патріарховъ, 12 митрополитовъ,

9 архіереевъ, 5 епископовъ, безправныхъ—множества архимандритовъ, игуменовъ и др. духовенства и—никого изъ мірянъ. Даже обиліе приглашенныхъ иноземныхъ архіереевъ было рѣзкой особенностью этого собора. Таковы-же были соборы по вопросу о церковныхъ порядкахъ, напр., 1274 г. или 1503, 1550—51 и 1654—55 гг., а также по поводу ересей въ 1490 и 1504 гг. и раскола въ 1681 г. и по поводу канонизаціи святыхъ въ 1547 и 1549 гг.

Іерархи, совершенно уже чуждые міру, были владыками его и «господами» низшаго духовенства, которое очутилось въ положеніи тяглыхъ людей. Постановленія соборовъ, особенно относительно вѣры, осуществлялись при усиленной поддержкѣ услужливой власти кievскихъ князей и московскихъ государей. Народъ о нихъ почти не зналъ, а духовенство часто не соглашалось въ душѣ со своими пастырями, «иже и такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться», какъ выразился протопопъ Аввакумъ, и что замалчивали другіе. Совсѣмъ другое дѣло—соборы на принадлежавшемъ Польшѣ югѣ Россіи, гдѣ усиленно осаждавшіе православіе іезуиты и католики удержали приходскую жизнь, развивъ ее даже въ очень сильныя и вліятельныя братства. Несмотря на непріятную и досадливую для многихъ іерарховъ зависимость клира отъ мірянъ, послѣдніе принимали непосредственное и значительное по вліянію и благотворному значенію участіе въ соборахъ своей Церкви вмѣстѣ съ духовенствомъ..

Въ 1621 г. митрополитъ Іовъ созвалъ въ Киевѣ соборъ, гдѣ было составлено «Сѣтованіе о благочестіи», предлагающее «созывать по церковнымъ правиламъ соборы», чтобы возродить Церковь для борьбы съ уніей и католичествомъ. Соборы въ Киевѣ (1627 г.) и въ Гродскѣ (1628 г.) были опытомъ въ этомъ родѣ. 26-го мая 1628 г. митрополитъ Іовъ уже разсылаетъ окружную пригласительную грамоту на большой соборъ въ Киевѣ. Въ этой грамотѣ онъ, «по изволенію Духа Св., вмѣстѣ съ находящимися при немъ епископами, архимандритами и др. духовными и свѣтскими лицами созываетъ въ Киевѣ на праздникъ Успенія *полный соборъ* и проситъ прислать на него избранныхъ мужей изъ

всѣхъ повѣтовъ отъ лица духовенства, дворянства, братствъ и всего народа, чтобы всѣмъ вмѣстѣ, въ духѣ братской любви и съ желаніемъ мира, разсудить возникшіе церковные вопросы». Петръ Могила также, созывая на помѣстный соборъ въ Кіевъ (1640 г.) для разсмотрѣнія «Православнаго исповѣданія», говоритъ: «на этотъ соборъ мы зовемъ именемъ Господнимъ и просимъ какъ вашу честь духовныхъ.... такъ и ихъ милостей свѣтскихъ братій, ревнующихъ о благочестіи». Соборы епархіальные были обыкновеннымъ и дѣйствующимъ институтомъ.

Дѣло въ томъ, что здѣсь надо было искать поддержки не только внѣ королевской власти, но даже противъ нея.

III.

Новая Россія, петербургская, совсѣмъ уже не знаетъ церковныхъ соборовъ, какъ и церковно-приходской жизни. Манифестъ 25 января 1721 г., оправдывая вниманіе государя, обращенное на духовную область «многими нестроениями и великою въ дѣлахъ ея скудостію», объясняетъ установленіе духовной коллегіи, какъ «сильнаго правительства» по духовнымъ дѣламъ, дѣйствующаго именемъ монарха и признающаго своимъ «крайнимъ судіею» самого же монарха. Синодъ и самъ считалъ себя не болѣе, какъ коллегіей, не желая только зависѣть отъ другихъ коллегій. Напримѣръ, онъ представлялъ государю, что духовная коллегія, не менѣе другихъ коллегій, обязалась присягой въ вѣрности и исканію царскаго интереса, такъ что, слѣдовательно, нѣтъ причины отстранять ее отъ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ. Или, обидѣвшись тономъ Сената, онъ разсуждалъ: «повелительство бываетъ отъ большаго къ меньшему, въ равенствѣ же повелительства не бываетъ». Однако при ближайшихъ преемникахъ Петра ему все-таки пришлось подчиняться Верховному тайному совѣту и кабинету министровъ, члены которыхъ необязательно даже должны были принадлежать къ православному исповѣданію и утратить званіе «правительствующаго». Зато и самъ Синодъ въ первые годы вѣдалъ католическое, протестантское, еврейское и др., существовавшія въ Россіи исповѣданія.

Такимъ образомъ, Церковь стала и была просто однимъ изъ вѣдомствъ государства, духовенство было окончательно обособлено отъ мірянъ въ отдѣльное служилое сословіе, надъ которымъ возвышался Синодъ, вполне подчиненный Государю Императору. По регламенту Синодъ долженъ состоять изъ 12 членовъ—архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и «протопоповъ» по назначенію. Но число это и составъ подвергались впослѣдствіи сильнымъ измѣненіямъ. Наконецъ, Синодъ сталъ состоять изъ постоянныхъ членовъ, обыкновенно, митрополитовъ петербургскаго, московскаго и кіевскаго и экзарха Грузіи, и—членовъ—архіереевъ, по Высочайшему назначенію. Канцеляріей-же, контролемъ, хозяйствомъ, учебнымъ дѣломъ и типографіей распоряжаются дѣйствительные статскіе совѣтники, подразумевающіе цѣлый рядъ др. совѣтниковъ. Надъ всѣми же чиновными, и въ рясахъ и въ мундирахъ, людьми, составляющими Синодъ, зорко и по своему усмотрѣнію слѣдитъ глазъ и тяготитъ рука тайнаго или дѣйствительнаго тайнаго совѣтника—оберъ-прокурора.

IV.

Предстоящій соборъ, очевидно, не можетъ состоять только изъ однихъ архипастырей, такъ какъ онъ оказался-бы только расширеннымъ Синодомъ. Кромѣ того, состоя изъ людей монашествующихъ, оторванныхъ отъ дѣйствительной жизни, онъ едва-ли оказался-бы вполне компетентнымъ и авторитетнымъ. Мало помогло-бы и приглашеніе представителей духовенства, такъ какъ, составляя отдѣльное отъ мірянъ сословіе и не будучи выборнымъ, оно удѣлило-бы больше вниманія интересамъ клира, чѣмъ Церкви вообще, да и самые церковные вопросы рѣшало-бы со своей точки зрѣнія, что едва-ли внесло-бы въ Церковь ожидаемый миръ, единство и силу, основанныя на общей свободѣ.

То-же должно сказать и относительно представителей каждаго сословія и класса въ отдѣльности. Какъ-бы умны, испытаны и высоко-нравственны они ни были—все же они представляютъ лучше свое, и слабѣй чужое. Соборность-же должна быть суммой взаимно уравнивающихся пред-

ставителей, чтобы ея цѣли достигались наилучшимъ образомъ. Церковный соборъ, если ему суждено будетъ осуществиться, чтобы дать наилучшіе и желательные чисто религиознымъ интересамъ результаты, долженъ состоять изъ архипастырей, пастырей и мірянъ, представителей отъ всѣхъ сословій. Само собою разумѣется, что и такой соборъ будетъ въ состояніи остановить паденіе вѣры и responsibilities, примирить Церковь и религію съ жизнью, ея запросами и стремленіями, возродить нормальную церковную жизнь и силу, только если онъ будетъ соответствовать основнымъ требованіямъ жизни и прогресса—свободѣ и равенству въ отношеніи представителей клира и мірянъ. Сокращать людей, чтобы они были только слушателями, хотя бы и прекрасныхъ, словъ—всегда бесполезная работа, а въ настоящее время—и опасная. При чемъ право рѣшающаго голоса каждого члена собора должно простираться одинаково на всѣ рѣшенія по всѣмъ, безъ исключенія, вопросамъ, которые будутъ затрогиваться соборомъ. Обыкновенные ежегодные, епархіальные соборы—крайняя необходимость. Они, основанные на тѣхъ-же началахъ, что и помѣстные чрезвычайные или очередные,—могутъ быть подготовительнымъ этапомъ, передаточнымъ звеномъ между церковнымъ приходомъ и всероссійскимъ соборомъ, какъ въ отношеніи людей, такъ и въ отношеніи церковно-религиозныхъ вопросовъ для пользы и славы общей матери—Церкви. Болѣе, чѣмъ односторонне, думать, что таковыя соборы и полномочія уронять положеніе или ослабятъ значеніе пастырей и архипастырей. Наоборотъ, въ нихъ они, какъ люди, найдутъ наилучшій источникъ, чтобы черпать необходимую силу и должное значеніе для своихъ достоинствъ.

Приходъ и духовенство.

I.

Обыкновенное употребленіе у насъ слова «приходъ» совершенно не соответствуетъ его первоначальному дѣйствительному значенію.

Подъ приходомъ должно разумѣть основанную на началахъ полнаго во Христѣ равенства и братства и воодушевленную единствомъ вѣры, интересовъ и цѣли организацію христіанской общины, которая имѣла мѣсто въ первые три вѣка христіанской эры. Эта, немногочисленная тогда еще, община, въ общемъ и въ частности, принимала вполнѣ сознательное и активное участіе во всѣхъ отправленіяхъ церковной жизни и дѣятельности. Она, по рекомендаціи и послѣ проверки, принимаетъ каждого новаго члена, тщательно и всесторонне наблюдаетъ за жизнью и поведеніемъ своихъ членовъ, требуетъ явной исповѣди и раскаянія, судить, наказываетъ и исключаетъ недостойныхъ. Она заботится о своихъ страждущихъ членахъ, объ ихъ вдовахъ и сиротахъ. Она избираетъ изъ своей среды клиръ для священно- и церковно-служенія. Она, наконецъ, вѣдаетъ всѣ матеріально-экономическія, а также и политико-юридическія дѣла, касающіяся нуждъ и потребностей проповѣди, богослуженія и благотворенія.

Чинъ «епископата» былъ созидателенъ въ крошечныхъ епископіяхъ, въ величину почти нашихъ теперешнихъ благочиній: когда епископъ былъ бѣденъ, слабъ (не чиновенъ, не сановенъ), былъ другомъ, и защитникомъ, и ходатаемъ передъ свѣтскими властями немногихъ священниковъ своей епископіи, лично ему извѣстныхъ, извѣстныхъ изъ повседневнаго общенія, сослуженія, сотрудничества!!

Но уже съ конца II вѣка клиръ начинаетъ стремиться выдѣлить себя въ привилегированный классъ церковнаго общества, поставить себя выше и перенести центръ тяжести церковной жизни всей общины на себя.

Началось дѣло съ духовныхъ писателей, которые стали разумѣть подъ клириками людей близкихъ къ Богу, а подъ мірянами—профановъ, людей, далекихъ отъ источника истинной святости. Проводятся воззрѣнія о преимущественныхъ достоинствахъ духовенства, какихъ не могутъ имѣть остальные члены христіанскаго общества. На практикѣ же у мірянъ отнимается право проповѣди въ церкви и раздачи даровъ бѣднымъ, а клиръ устраняется отъ мірскихъ, житейскихъ занятій, какъ отъ «скверны», при чемъ епи-

скопъ, заслоняясь діакономъ, становится мало и не всегда доступнымъ для всѣхъ членовъ прихода. Пастыри называются уже «господами и владыками».

Климентъ Александрійскій сравниваетъ клириковъ съ пастырями, а мірянъ—съ овцами. Другіе писатели говорятъ о клирикахъ, какъ объ *ordo*, въ смыслѣ городского сената, начальства, а о мірянахъ—какъ о *plebs*—въ смыслѣ подчиненнаго, безправнаго народа. Оригенъ объясняетъ, что Христосъ—глава Церкви, священники—очи, прочіе служители—руки, а народъ—ноги ея. Кипріанъ-же заявилъ, что «епископу одному предоставлено начальство надъ Церковью», и старался внушить мірянамъ страхъ и трепетъ предъ епископомъ. Наконецъ, такъ называемыя, апостольскія постановленія учили: «Тебѣ, мірянину, прилично только давать, а ему, пастырю, раздавать, потому что онъ—хозяинъ и правитель церковныхъ дѣлъ. Не требуй у своего епископа отчета и не наблюдай за хозяйствованіемъ его.... У него есть одинъ требователь отчетовъ—Господь Богъ... Начальника своего, епископа, не легко пусть беспокоятъ... пусть предлагаютъ... пусть дѣлаютъ извѣстнымъ черезъ діакона...»

Въ IV вѣкѣ, при объявленіи христіанской религіи равноправной языческой, а потомъ и господствующей въ Римской имперіи, произошло закрѣпленіе совершившагося расщепленія прихода, и всѣ вышеприведенныя притязанія духовенства нашли полное удовлетвореніе въ новомъ положеніи Церкви при поддержкѣ власти и подѣ влияніемъ общаго строя имперіи. Но духовенство не остановилось на этомъ и продолжило процессъ своего обособленія и возвышенія. Оно стало усердно выдвигать мысль о необходимости безбрачія клира, въ противоположность народу. Но этотъ вопросъ разбился о различіе въ рѣшеніи его Западомъ и Востокомъ. Остановились на компромиссѣ. Допуская бракъ для священниковъ, стали искать, по крайней мѣрѣ, епископовъ между монахами*). Это правило стало закономъ со времени Юстиніана Великаго, правда, еще долго коле-

*) Замѣтимъ, что до VII вселенскаго собора они были, во исполненіе извѣстныхъ апостольскихъ словъ («Епископъ долженъ быть единымъ женою мужемъ», у апостола Павла)—женатые, семейные.

бавшимся*). Затѣмъ духовенство воспользовалось упадкомъ выборнаго начала для клира, чтобы сдѣлать себя совершенно независимымъ отъ мірянъ.

Первый вселенскій соборъ (IV в.) говорилъ въ своемъ окружномъ посланіи: «По кончинѣ кого-либо изъ епископовъ на его мѣсто можетъ быть возведенъ и новообращенный, если только онъ будетъ того достоинъ и народомъ избранъ». Папа Левъ Великій въ V вѣкѣ замѣчалъ: «Кто долженъ предстоятельствовать всѣмъ, тотъ долженъ и быть выбранъ всѣми». Онъ-же настаивалъ: «При поставленіи священниковъ нужно ожидать голоса гражданъ, свѣдѣтельства народа, сужденія почетныхъ людей, избранія клира, чтобы во всемъ соблюдался порядокъ апостольскій».

Выборы, однако, шли къ упадку по наклонной плоскости. То недостойные, то честолюбивые искатели духовнаго сана привлекали начальниковъ и составляли партіи. То недовольные избраннымъ подымали различныхъ размѣровъ открытыя возстанія. Въ томъ и другомъ случаѣ, нарушался миръ Церкви, ронялся авторитетъ клира, и падало значеніе выборовъ.

Четвертый вселенскій соборъ (V в.) разсматривалъ дѣло двухъ эфесскихъ епископовъ—сверженнаго Вассіана и возведеннаго на его мѣсто Стефана. Вассіанъ рассказывалъ: «Народъ и клирики неожиданно схватили меня, вытащили изъ св. церкви, водили и таскали меня по площадямъ, осы-

*) Вотъ, напримѣръ, правило Царьградскаго собора 879 г.:

«Хотя донинѣ нѣкоторые архіереи, вступившіе въ монашескій образъ, усиливались пребывать въ служеніи архіерейства, и таковыя дѣйствія оставляемы были безъ вниманія: но сей святыи вселенскій соборъ, ограничивая такое недосмотрѣніе и возвращая сіе вни порядку допущенное дѣйствіе къ церковнымъ уставамъ, опредѣляетъ: аще который епископъ или кто иной архіерейскаго сана восхощетъ вни въ монашеское житіе: таковой впрелъ уже да не взыскуетъ употребленія архіерейскаго достоинства. Ибо обѣты монашествующихъ содержать въ себѣ долгъ повиновенія и ученичества, а не учительства или начальствованія: они обѣщаются не иныхъ пасти, но пасомыми быти. Того ради, какъ выше рѣчено, постановляемъ: да никто изъ находящихся въ словіи архіереевъ и пастырей не низводитъ себя на мѣсто пасомыхъ и кающихся (монаховъ). Аще-же кто дерзнетъ сотворити сіе: таковой, самъ себя устранивъ отъ архіерейскаго мѣста, да не возвратится къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложить» (правило второе собора).

пали меня ударами, заключили меня въ тюрьму. Они похитили мои свящ. облаченія, бѣснуясь посадили на престолъ и мое мѣсто Стефана». Стефанъ-же доказывалъ: «Вассіанъ не былъ законнымъ образомъ поставленъ въ Ефесѣ, онъ самъ себя возвелъ на кафедру, поддерживаемый безпорядочною толпой съ мечами и какими-то гладиаторами». Григорій-же Богословъ говорилъ, что «народъ ищетъ не священниковъ, не риторовъ, не блюстителей душъ, но обладателей золота, не такихъ, кто приносилъ-бы жертвы съ чистымъ сердцемъ, но могущественныхъ предстателей... Епископство пріобрѣтается не добродѣтелью, но происками».

Народъ стали устранять отъ выборовъ. По законамъ Юстиніана (VI в.), въ избраніи епископовъ участвуютъ только знатные граждане, какъ лица компетентныя. Седьмой-же вселенскій соборъ (VIII в.) постановилъ: «Всякое избраніе въ епископа, или пресвитера, или діакона, дѣлаемое мірскими начальниками, да будетъ недействительно». Къ IX вѣку духовенство стало само себя избирать. Но замкнутого сословія оно все-таки не составило. Замѣщеніе вакантныхъ мѣстъ священно- и церковно-служенія исключительно дѣтми духовенства порицалось даже Трульскимъ соборомъ (VII в.).

II.

Христіанство появилось на Руси въ концѣ X вѣка, когда уже заглохла и на Востокѣ и на Западѣ приходская жизнь, и когда духовенство стояло надъ мірянами въ видѣ пастырей и начальниковъ.

Обстоятельства принятія новой вѣры, а также ея утвержденія и дальнѣйшаго распространенія устраняютъ всякую мысль о возможности возникновенія, установленія и существованія приходской церковной жизни въ древней Кіевской Руси. Извѣстно, что честь введенія христіанства у насъ принадлежитъ князю Владиміру, причисленному за это къ лику святыхъ. «Мудрѣйшими» же сторонниками греческой вѣры и первыми помощниками св. князя были послы, знакомившіеся съ христіанствомъ въ Германіи, Римѣ и Константинополѣ, при чемъ самъ Владиміръ склонился

къ восточной вѣрѣ желаніемъ стать, по лѣтописи, «одесную» на страшномъ судѣ Божьемъ, представленномъ картиной, объясненной греческимъ миссіонеромъ; а послы долго находились подъ глубокимъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ отъ величественности зданія патріаршей, св. Софіи, церкви, торжественности и трогательности богослуженія и отъ крылатыхъ юношей (діаконы и иподіаконы), носившихся по церкви и пѣвшихъ Трисвятое. Народъ кіевскій, со слезами взирая на поруганіе Перуна и другихъ боговъ, шелъ на Днѣпръ креститься изъ страха или изъ уваженія и довѣрія къ князю. Безъ особеннаго сопротивленія язычество уступало христіанству и въ другихъ городахъ, а потомъ и «всѣхъ» тогдашней Руси. Но это христіанство было чистовѣщнее, гдѣ прежде всего имѣлось въ виду количество, а не качество. Предоставляя князьямъ, боярамъ и «лучшимъ людямъ» строить церкви, украшать ихъ, снабжать клиромъ и всѣмъ необходимымъ, простой народъ, не говоря о рабахъ, долго относился совершенно пассивно къ вѣрѣ и церковной жизни. Многіе изъ боязни вызвать подозрѣнія или изъ любопытства посѣщали храмы, привыкали къ нимъ, дѣлали ихъ дворы мѣстомъ общихъ собраній и привязывались къ богослуженію. Наболѣе смѣлые и любознательные обращались къ духовенству съ вопросами по поводу новой вѣры и предлагали на ихъ рѣшеніе многое, на что раньше отвѣчали волхвы и кудесники. Мало-по-малу старые представленія, понятія и обычаи принимали христіанскій характеръ, народъ вовлекся въ церковно-обрядовую жизнь, но духовенство стояло надъ нимъ, вѣдая и руководя имъ въ религіозно-нравственной жизни, получая доходы за требы, распоряжаясь церковнымъ имуществомъ и завися только отъ устроителя церкви, который часто считался ея собственникомъ, не говоря о домовыхъ церквяхъ, да отчасти отъ архіерея-грека, назначавшагося грекомъ-же митрополитомъ, присылаемымъ константинопольскимъ патріархомъ, которому надо было удѣлять значительную часть доходовъ. Для архіереевъ, надо замѣтить, ко времени Всеволода III (1176—1212 гг.) установилось правило, выраженное такъ лѣтописцемъ: «Нѣсть достойно наскакати на святитель-

скій чинъ на мздѣ, но его-же Богъ позоветъ и Св. Богородица, князь восхочетъ и людѣ». При чемъ подъ людьми разумѣлась случайно собравшаяся толпа, иногда, впрочемъ, предупредительно и рассчитанно собранная. Князья тоже не всѣ, и не всегда, и не вездѣ пользовались этимъ правиломъ, которое, такимъ образомъ, было-бы точнѣе назвать просто понятіемъ, обнаруживающимъ знаніе лѣтописцемъ апостольскихъ постановленій и только. Митрополиты—другое дѣло. Изъ-за нихъ возгорались нѣсколько разъ недоразумѣнія между вел. князьями и константинопольскимъ патріархомъ. Напр., уже Ярославъ Мудрый поставилъ въ 1051 г. митрополита Иллариона—русскаго въ св. Софії. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу, что «самъ Богъ князю вложи въ сердце» сдѣлать это. Въ 1147 г. Изяславъ Мстиславовичъ собралъ въ Кіевѣ епископовъ и предложилъ имъ поставить въ митрополиты Климента Смолятича, «родомъ русина, черноризца и схимника, книжника и философа». Этотъ случай, однако, вызвалъ сильный протестъ патріарха и злополучіе митрополита. Патріархъ Германъ, отъ лица собора, написалъ въ 1228 году грамоту митрополиту Кириллу I, изъ которой видно, что нѣкоторые господа обучали грамотѣ своихъ рабовъ, потомъ приводили ихъ къ архіереямъ для рукоположенія во священство, не освободивъ отъ рабства, и послѣ поставленія спекулировали ихъ са- номъ, пользуясь ихъ доходами*). Очевидно, что приходской жизни не было, если имѣли мѣсто такіе случаи и въ такихъ размѣрахъ, что достигали до патріарха и членовъ собора. Едва-ли было въ видахъ князей, земле- и рабо-владѣльцевъ, а также самого духовенства особенно радѣть объ организаціи приходской жизни, да и едва-ли это было нужно

*) Вотъ слова патріарха: «Дошло до слуха смиренія нашего, что нѣкоторые въ странѣ Русской сперва покунають людей, потомъ, сдѣлавъ ихъ рабами своими, отдають ихъ, оставляя плѣнниками, учителямъ учить священной грамотѣ и ученію, и затѣмъ приводятъ ихъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ ихъ напередъ отъ рабскаго ига. Епископы ставятъ ихъ, и господа получаютъ черезъ нихъ корысть. Безчестно быть рабомъ тому, кто крещеніемъ даруетъ усыновленіе Богу». Дальше онъ заклинаетъ митрополита и епископовъ русскихъ прекратить этотъ безпорядокъ, унижающій духовный санъ и оскорбляющій вѣру.

и возможно, тѣмъ болѣе, что наиболѣе сознательно и ревностно вѣрующіе обособлялись въ монашествующія общины, которыхъ уже къ началу XIII вѣка было около 90, а набѣги степняковъ и междоусобія князей, разрушая церкви, сильно измѣняли качественный и количественный составъ общинъ.

III.

Татарское нашествіе (1238—1240 г.) прервало обильный притокъ духовенства изъ Греціи и южно-славянскихъ земель, замявъ и туземный разсадникъ его—школы. Главное вниманіе архипастырей, представителей Церкви и руководителей ея жизни, было отвлечено новымъ положеніемъ Церкви. Центръ ихъ помысленій и заботъ почти всецѣло перенесенъ былъ къ внѣшней жизни Церкви, какъ единого цѣлаго тѣла. Внутренняя жизнь предоставлялась самой себѣ, насколько она не требовала настоятельнаго вмѣшательства. Слѣдствіемъ было отсутствіе въ распоряженіи митрополита и епископовъ опредѣленнаго умственно-нравственнаго уровня кандидатовъ на священно-служительскія мѣста. Отсюда—передача выбора клириковъ строителямъ церквей, отдѣльнымъ лицамъ или общинамъ и—полное обрусеніе іерархіи. Духовенство, происходя большею частью изъ простолюдиновъ, не возвышалось до тѣхъ идеаловъ, которые приносили съ собой греки и южные славяне. Архіепископъ новгородскій Геннадій даже жаловался въ XV в. на полную безграмотность ставленниковъ. А Стоглавъ XVI в. говорилъ, что, если не посвящать безграмотныхъ, церкви будутъ безъ плѣнія, а христіане будутъ умирать безъ покаянія. Не менѣе умственного понизился и нравственный уровень духовенства. Св. Дмитрій Ростовскій обличаетъ «поповъ» въ пьянствѣ, мздоимствѣ и др. порокахъ. Онъ-же укоряетъ ихъ въ небреженіи къ святынѣ, указываетъ отсутствіе усердія въ исполненіи своего служенія, приводя, впрочемъ, и причину этого, сложившуюся при выборахъ, получившихъ характеръ простого найма, обращавшихъ своими условіями призваніе клира въ ремесло, источникъ содержанія, доходную статью, вызывая желаніе наилучше использовать его особенно при шаткости и неопредѣленности поло-

женія. «Что ты приведе въ чинъ священническій? То-ли, дабы спасти себѣ и инѣхъ? Никако-же, но чтобы прекормити жену, и дѣти, и домашнія». Стоглавый соборъ предлагалъ усилить надзоръ, строгость наказаній и запрещать служеніе вдовцамъ, но эти мѣры оказывались бесполезными. Постепенно, однако, выборъ и наемъ духовенства ограничиваются запрещеніемъ поступленія въ клиръ, какъ въ словіе вольное и привилегированное, служилымъ людямъ—въ интересахъ государства, а тяглымъ—въ интересахъ общинъ, затѣмъ сводится къ найму только дѣтей духовенства, и, наконецъ, всѣ духовныя мѣста къ XVI в. становятся наследственными. Іерархи сочувствовали такому положенію дѣла, такъ какъ дѣти клириковъ естественно были болѣе подходящими и желательнымъ кандидатами, а склонности и привычки послѣднихъ шли навстрѣчу желаніямъ іерархіи, общины и государства. Стоглавый соборъ и соборъ 1667 г. признаютъ наследственность должностей фактомъ не только обыкновеннымъ, но и весьма желательнымъ.

Еще печальнѣе была участь другого признака приходской жизни—участія мірянъ въ хозяйственныхъ дѣлахъ Церкви. Отъ Кіевской Руси осталась въ наследствіе «братчина»—община, устраивавшая праздничныя пиршества и имѣвшая избранныхъ старостъ съ административно-судебными полномочіями. Сперва у «братчинъ» отняли уголовный судъ, потомъ стали не одобрять шумныя празднества и ограничивать ихъ такъ, что къ концу XVII вѣка онѣ совершенно исчезли. Но во многихъ мѣстахъ временныя старосты становились постоянными при церквахъ, а въ Новгородѣ и Псковѣ они вызывали своими стѣсненіями и произволомъ жалобы митрополита Маркелла въ XVIII в. На юго-западѣ-же, подавшемъ владычеству католической Польши и усердію іезуитовъ, «братчина» сперва въ Львовѣ, потомъ въ Вильнѣ и другихъ городахъ развилась въ братство, уже вполне подходившее по своей организаціи и полномочіямъ къ древне-христіанскому приходу. Въ 1586 г. патріархъ антиохійскій Іоакимъ утвердилъ обычныя правила всѣхъ братствъ: о братскихъ сходкахъ и взносахъ, о выборѣ старостъ, о наблюденіи другъ за другомъ, о братскомъ судѣ и взаимопо-

мощи въ нуждахъ. Затѣмъ они получили права обличать противныхъ закону и Церкви даже епископовъ, право избирать и удалять священниковъ. Они завели госпитали, типографіи и школы, давшіе вмѣстѣ съ монастырями многихъ защитниковъ и борцовъ православія. Клиръ, однако, въ лицѣ нѣкоторыхъ высшихъ іерарховъ, былъ недоволенъ опекой мірянъ и, заглядываясь съ завистью на свободу и значеніе католическаго духовенства, отказался отъ солидарности съ мірянами и принялъ унію въ 1596 г. Сѣверное духовенство отвергло унію, принесенную въ срединѣ XV в. митрополитомъ Исидоромъ изъ Флоренціи, главнымъ образомъ потому, что чувствовало себя достаточно свободнымъ и авторитетнымъ. Міряне сѣверо-восточной русской Церкви были вполне пассивной ея частью въ отношеніи церковно-приходской жизни. Оставивъ язычество и двоевѣріе, народъ русскій не пошелъ дальше внѣшняго обрядового пониманія христіанской вѣры, на чемъ онъ и сошелся со своимъ ближайшимъ и низшимъ туземнымъ духовенствомъ. Статъ-же хозяиномъ, активнымъ участникомъ въ дѣлахъ вѣроученія, богослуженія и истиннаго благочестія онъ не былъ въ состояніи по своей матеріально-экономической и умственно-нравственной бѣдности. Татары были предупредительны въ отношеніи духовенства, а князья ухаживали за нимъ, какъ за лучшимъ союзникомъ въ дѣлѣ объединенія русскаго народа и націонализаціи его культуры. Послѣ пропавшаго во время нашествія татаръ митрополита Іосифа былъ посвященъ въ Константинополь Кириллъ III, который открылъ собой почти непрерывный рядъ русскихъ митрополитовъ. Онъ созвалъ въ 1274 г. во Владимірѣ соборъ изъ духовенства, указалъ ему замѣченныя во время разъѣздовъ безпорядки въ церковномъ управленіи и жизни народа и предложилъ нѣкоторыя новыя правила и мѣры взысканія съ духовныхъ и мірянъ.

Митрополитъ Кипріанъ въ XIV вѣкѣ заключаетъ съ княземъ договоръ, которымъ духовенство еще больше замыкается отъ вторженія мірянъ въ активную жизнь Церкви. Протестъ «стригольниковъ» въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія былъ энергично затертъ. Они отрицали пастьрей, какъ не

законныхъ, «ставленныхъ на мздѣ», обличали архіереевъ и монаховъ, собиравшихъ себѣ противно обѣтамъ много имѣнія, а низшее духовенство—за дурную ихъ жизнь и «поборы съ живыхъ и мертвыхъ». Они требовали, отвергая іерархію, права учительства для мірянъ и устранения священнодѣйствія. Такая-же участь постигла и другихъ «еретиковъ», даже монаховъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, противниковъ церковно-монастырскихъ владѣній земель и людьми на ней, даже Максима Грека, самаго яркаго сторонника необходимости для духовенства особенно посвященія. Во главѣ русской Церкви стоялъ митрополитъ, который ѣздилъ до пол. XV вѣка въ Константинополь за посвященіемъ, которое потомъ совершалось просто соборомъ іерарховъ на мѣстѣ. Съ XIV вѣка епархіальныхъ епископовъ прямо назначали изъ Москвы, гдѣ они избирались на соборѣ епископовъ безъ всякаго участія народа и даже князя, и такой обычай былъ утвержденъ въ 1423 году.

Въ 1461 году, послѣ смерти св. Іоны, произошло полное раздѣленіе русской Церкви на двѣ митрополіи—московскую и кievскую, а въ 1589 г., во время наибольшаго угнетенія православія на Югѣ, московскій митрополитъ получилъ санъ патріарха. Подворья іерарховъ, особенно митрополитовъ, а тѣмъ болѣе патріарха устраивались по образцу княжескихъ. Для управленія епархіями у нихъ были духовные и свѣтскіе органы власти: духовно-судебными дѣлами завѣдывали протопопы и архимандриты, для гражданскаго суда надъ церковными людьми, сборовъ съ духовенства и управленія вотчинами назначались десятильники и волостели. Они получали большіе доходы съ земель населенныхъ, въ ихъ казну непрерывно текли всевозможные дары, дани, пошлины ставленныя, судныя, подѣздныя и др. Они имѣли свои полки и служилыхъ людей; все низшее духовенство, какъ и населеніе на церковныхъ земляхъ, было ихъ «тяглымъ» сословіемъ*). Для облегченія отъ тяжести

*) На Московскомъ соборѣ 1503 г. низшее духовенство жаловалось, что оно подчинено волѣ свѣтскихъ лицъ, что высшее духовенство управляетъ дѣлами и лицами духовными «не по достоинству святительскому» чрезъ бояръ, дворецкихъ, недѣльщиковъ, подводчиковъ и др.

сборовъ и притѣсненій десятильниковъ и др. должностныхъ лицъ «тяглые попы» выпрашивали себѣ у архіереевъ и князей жалованныя грамоты, а иногда силой отбивались отъ архіерейскихъ сборщиковъ, въ чемъ часто имъ дѣятельно помогали міряне. Низшее духовенство только соборныхъ церквей имѣло вотчины, княжескія земли и ругу. Остальное договаривалось съ общиной или отдѣльнымъ владѣльцемъ насчетъ земли, руги и сборовъ, хотя условія часто нарушались обѣими сторонами при всякомъ удобномъ случаѣ, когда находились клирикъ подешевле или мѣсто повыгоднѣе. Были, впрочемъ, нерѣдкіе случаи, когда священникъ оказывался и владѣльцемъ церкви, передавая ее, какъ вотчину, своему потомству. Соборъ-же 1667 г. особенно возмущался тѣмъ, что нѣкоторые священники владѣли двумя церквами, изъ которыхъ въ одной сами служили, а другую отдавали въ аренду другому священнику. Онъ постановилъ: «Св. церкви священникомъ продавати и корчемствовати нелѣпо есть»... и предложилъ прихожанамъ скупать эти церкви, подтверждая, что «продавати церкви Христовы и церковныя мѣста, яко отчины, зѣло неправильно есть и незаконно». Однако, опредѣленіе это надолго оставалось «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Стоглавый соборъ занимался уже вопросомъ о сокращеніи несоразмѣрнаго съ количествомъ населенія и несоотвѣтствовавшаго нуждамъ и потребностямъ распредѣленія числа церквей. Между тѣмъ, духовенства оказалось еще больше, и этотъ избытокъ его создавалъ самый отрицательный и нежелательный типъ «бродячихъ» или «перехожихъ поповъ», которые со своими ставленными и переходжими грамотами ходили съ мѣста на мѣсто, служа извѣстныя требы и рядясь на различные сроки къ церквамъ. Эти «безмѣстные» священнослужители образовали въ городахъ, особенно въ Москвѣ, классъ крестцоваго духовенства. Среди «бродячихъ» и «крестцовыхъ» священниковъ попадалось много безъ всякихъ грамотъ и даже состоявшихъ подъ запрещеніемъ. Стоглавый соборъ, чтобъ уменьшить «соблазнъ», велѣлъ выстроить для нихъ на крестцѣ поповскую избу, чтобъ они не стояли для найма на улицѣ, и посадить для надзора

за ними «поповскаго старосту». Но это помогало очень мало.

Такимъ образомъ, не знаетъ приходской жизни или знаетъ ее только отчасти и въ иномъ условномъ смыслѣ Церковь Московско-Литовской Руси до Петра Великаго включительно. Особенно эта жизнь проявилась и развивалась въ монастырскихъ общинахъ, которыя считались уже сотнями, выполняя вмѣстѣ съ уставами и другія роли, какъ просвѣтительная и колонизаторская.

IV.

Петръ Великій, принизивъ духовную власть и подчинивъ церковь государству, закрѣпостилъ духовенство наряду съ другими сословіями государственнымъ интересамъ. Не могло быть и мысли о приходской жизни при новомъ официально-служебномъ значеніи духовенства, принудительности въ дѣлѣ вѣры и благочестія и при полномъ безправіи мірянъ. Духовный Регламентъ трактуетъ русскій народъ, какъ такую массу, которая не въ состояніи «разсудить между деснымъ и шуимъ». Самъ Петръ въ указахъ своихъ писалъ, что «народъ не знаетъ ни вѣры, ни любви, а о надеждѣ и не слыхивалъ, а всю надежду полагаетъ на пѣніе церковное, постъ, поклоны, строеніе церквей, свѣчи и ладанъ». Онъ поручалъ неоднократно Св. Синоду «сочинить краткія книжки и поученія» съ изложеніемъ сущности вѣры и ставилъ призваніемъ властей и духовенства истребленіе суевѣрій и преслѣдованіе людей, злоупотреблявшихъ вѣрой и суевѣріями. Приходомъ стала называться извѣстная группа людей, приписанныхъ къ отдѣльному храму съ причтомъ и находящимся подъ надзоромъ и воздѣйствіемъ причта. Прихожане обязаны, подъ угрозой двойного оклада, посѣщать церкви, во время богослуженія они, подъ угрозой штрафа, должны держать себя чинно, они должны въ опредѣленное время исповѣдываться и приобщаться подъ угрозой штрафа и ограниченія въ гражданскихъ и политическихъ правахъ. Міряне пользуются правомъ избирать на 3 года, въ присутствіи благочиннаго, церковнаго старосту — своего повѣреннаго въ дѣлѣ приобрѣтенія, храненія и употребленія церковныхъ денегъ, особенно отъ продажи

свѣчей. Но онъ—должностное лицо, которое утверждается епархіальнымъ архіереемъ, можетъ быть удалено консисторіей и дѣйствуетъ подъ надзоромъ и руководствомъ благочиннаго и епархіальнаго начальства. Онъ освобождается отъ другихъ выборовъ, различныхъ обязанностей и повинностей, а также отъ тѣлесныхъ наказаній, представляется къ наградамъ и можетъ носить опредѣленной формы мундиръ. Міряне, правда, могутъ въ доношеніи своемъ архіереемъ просить кого-либо въ члены клира, свидѣтельствуя, что онъ—человѣкъ «житія добраго и неподозрительнаго», но это могло быть представляемо только относительно лицъ, прошедшихъ курсъ ученія въ школахъ архіерейскаго дома, потому въ семинаріяхъ, да и зависѣло вполне отъ усмотрѣнія епископа, какъ нравственно-отвѣтственнаго за каждаго кандидата. Однако, указы 24-го іюля 1797 г. и 27-го марта 1841 г. уничтожили и это незначительное и слишкомъ условное право мірянъ. Духовенство обязано было въ дѣлахъ вѣры и благочестія и въ предѣлахъ, государствомъ опредѣляемыхъ, учить, руководить, наблюдать и принуждать, а также умѣло и благолѣпно отправлять церковное служеніе и требы. Главное-же, оно должно было вести для государства записи о рожденіи, крещеніи, бракосочетаніи, смерти, погребеніи и т. п., что послѣ регламента настоятельно подтверждалось и развивалось еще въ 1778, 1779, 1794, 1802, 1812 и 1824 гг. Чтобъ удовлетворительно справляться со своими задачами, духовенство, подъ угрозой солдатчины, должно было учиться. Отнявъ у Церкви недвижимыя имущества, государство нѣсколько разъ проявляло заботы объ обезпеченіи бозбѣднаго существованія клира, оставшагося только на однихъ побирательствахъ да подаеніяхъ. Составлялись даже комиссіи, но теплы были ихъ слова только, а результаты, въ смыслѣ назначенія жалованья, послѣдовали лишь съ 1893 г., и то весьма плачевные.

Болѣе положительные результаты въ этомъ отношеніи были достигнуты уменьшеніемъ числа приходовъ (особенно сокращеніемъ домовыхъ церквей) и увеличеніемъ ихъ районовъ, а также устраненіемъ лишнихъ и дурныхъ элементовъ духовенства (бродячаго).

Что касается высшаго духовенства, то вотъ въ какихъ словахъ художественно изображаетъ его настоящее положеніе г-нъ Розановъ, положеніе, созданное исторіей, закрѣпленное Петромъ Великимъ и развитое дальнѣйшимъ поведеніемъ государства и самыхъ архипастырей.

«Что же мы, русскіе, сдѣлали съ этими «аввами», съ этимъ святымъ «чиномъ монашества», воистину «равноапостольскаго? А вотъ что: 1) пройди семинарію; 2) поучись въ академіи; 3) дай зарокъ (свободный ли, *охотный* ли?!) не вступать въ бракъ, не обзаводиться семьею; 4) будешь черезъ три года іеромонахомъ, и тогда вмѣсто *куколя* болѣе почетный *клобукъ*; 5) если съ начальствомъ не поссоришься, то черезъ шесть лѣтъ будешь архимандритомъ, и тогда на мантии золотая нашивочка, изъ позумента, какъ на воротникѣ и на плечахъ у статскихъ совѣтниковъ и гг. офицеровъ; при семъ должность цензора съ окладомъ въ 1800 р. и казенная квартира; 6) лѣтъ черезъ 8, тоже если будешь послушенъ начальству,—викаріатъ епископскій: нашивокъ больше, жалованья больше, квартира лучше; 7) черезъ 12 лѣтъ (но упаси Богъ не угодить начальству)—самостоятельный епископъ: одежды пышныя, ѣздитъ на четверкѣ, когда ѣдетъ—въ колокола звонятъ; вмѣсто квартиры—дворецъ; лѣтомъ—дача-монастырь; подчиненныхъ можешь хоть живыми съѣсть: только съ начальствомъ будь опять-таки робокъ!»

V.

Изъ всего вышеизложеннаго можно сдѣлать слѣдующія заключенія:

1) Приходъ первыхъ вѣковъ христіанства былъ той живой единицей, которая служила главнымъ доступнымъ изученію основаніемъ борьбы Христова ученія съ враждебными ему теченіями и силами, залогомъ его торжества и «вселенскаго» распространенія. Самая организація его, основанная на единствѣ вѣры, надежды и любви, была гарантіей его прочности, боевой готовности и жизнеспособности; не различая и не раздѣляя, она нормировала должныя взаимоотношенія активныхъ и пассивныхъ своихъ членовъ и сообщала авторитетъ своимъ представителямъ и ихъ по-

становленіямъ ко благу единой Церкви. Съ уменьшеніемъ интенсивности борьбы и ослабленіемъ напряженности и воинственности Церкви, приходъ кололся, интересъ и энергія къ его дѣламъ и жизни у его членовъ, особенно мірянъ, падали сильно, съ торжествомъ же христіанства, съ принятіемъ подъ его кровлю членовъ безъ особеннаго приходскаго разбора и подготовки и съ официальнымъ возвышеніемъ въ ущербъ мірянъ клира, постепенно подпадавшего вліянію, а затѣмъ и власти государства, а на Западѣ—папства, приходская жизнь необходимо разлагалась и, не встрѣчая должной поддержки, прекратила свое существованіе.

2) У насъ, въ Россіи, на всемъ протяженіи ея исторіи не было церковно-приходской жизни, если не считать таковой нѣкоторые случайные признаки и подобія ея въ частностяхъ или хотя-бы даже въ тѣхъ суррогатахъ, которые преподносились русской православной вѣрующей общинѣ. Московское земство, на примѣръ, возбудило въ 1880 г. вопросъ о возстановленіи древняго права приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ на должности священниковъ. Государство устами Св. Синода, конечно, отклонило это ходатайство, указывая, что кандидатура всегда зависѣла отъ личнаго усмотрѣнія «отвѣтственнаго» епископа. При этомъ Свят. Синодъ замѣтилъ, что прихожанамъ сдѣлана была просто уступка по неимѣнію специально подготовленныхъ къ священству кандидатовъ, чего геперь не чувствуется, и что практиковалось не право выбора, а право найма членовъ причта.

3) Отсутствіе церковно-приходской организаціи и жизни имѣло отрицательныя послѣдствія для организаціи, жизни и дѣятельности русской Церкви. Устраненіе мірянъ отъ активнаго и сознательнаго участія въ приходской жизни съ самаго начала ставило ихъ въ безразличное или пассивное отношеніе къ ней.

Самое вѣроученіе поэтому усвоивалось поверхностно и принуждено было прикрываться и перемѣшиваться съ языческими вѣрованіями и всяческими суевѣріями. Не лучшая участь постигла и благочестіе — практическое выраженіе

вѣры. Не способное само по себѣ возродить и совершенствовать человѣка, лишенное содержанія, а часто и смысла, оно замкнулось въ извѣстныя, издавна установившіяся формы, совершалось и совершается по опредѣленнымъ рецептамъ «для спасенія души». Благотворительность даже церковно-приходская всегда была скудной и формальной, несмотря на многія мѣры къ ея развитію, и, несомнѣнно, искренніе отдѣльные порывы частныхъ лицъ, оставшіеся безъ дружной и воодушевленной поддержки, каковая могла-бы оказаться правильно организованной церковно-приходской общиной. Само духовенство оказалось безсильнымъ и несостоятельнымъ только потому, что не опиралось и не могло опираться на приходъ, какъ его избранникъ, какъ излюбленный его членъ. Оно, за очень незначительными исключеніями, не возвышалось въ своей массѣ даже хоть-бы до безукоризненнаго служенія своему призванію, смотря на приходъ только, какъ на доходную статью. Оно не только не могло добиться улучшенія своего матеріальнаго положенія, но не въ состояніи было даже удержать то, что вѣками собиралось въ видѣ церковныхъ имуществъ. Въ своемъ управленіи и судѣ оно дало мѣсто раздѣленію, граничащему съ мѣстничествомъ, субординаціи, близкой къ деспотизму, формализму, прикрывающему произволъ и противорѣчащему всякому смыслу, доброму чувству и дѣйствительнымъ нуждамъ и потребностямъ вѣрующихъ и Церкви.

4) Установленіе прихода — безусловная необходимость. Оно должно быть поставлено на первую очередь. Государство вѣдь, отказываясь отъ опеки надъ Церковью и принужденія въ дѣлахъ вѣры и благочестія, будетъ, несомнѣнно, хотя-бы и постепенно, лишать ее и свое го особеннаго покровительства. Церковь должна возродиться съ головы до ногъ, чтобъ оказаться во-время готовой и способной дать должный отпоръ врагу, встрѣтить достойнымъ образомъ «своего» и дать ему вполне то удовлетвореніе, какого можетъ ожидать и требовать для своего мышленія, поведенія и жизни вѣрующій человѣкъ. На такой высотѣ и силѣ, очевидно, можетъ быть только авторитетная Церковь-соборная. Однако, лишь приходъ можетъ явиться истиннымъ основаніемъ со-

бора—и епархіальнаго и помѣстнаго. Приходъ—ячейка собора, имѣющаго претензіи на компетентность и авторитетъ безъ принужденій. Въ приходской-же организаціи будетъ находить себѣ религіозную опору и каждая отдѣльная вѣрующая личность среди всякихъ свободъ и правъ, дарованныхъ въ послѣднее время государствомъ населенію, принятому совершеннолѣтнимъ и призываемому Верховной властью для законодательной дѣятельности. И активные члены прихода смогутъ, не чураясь и не отстраняясь, со смысломъ и пользой отдавать свои силы и энергію просвѣтлѣнію и усовершенствованію темнаго пассивнаго большинства, служенію и помощи страждущимъ и нуждающимся членамъ Церкви.

На западныхъ окраинахъ, въ виду положенія православія среди воинствующаго католицизма и раціоналистическаго протестантизма, уже сдѣланы епархіальными властями въ этомъ отношеніи нѣкоторые распоряженія. Церковно-приходская жизнь, однако, должна быть предоставлена всей русской Церкви, а не заказываться отдѣльными предписаніями. Она должна быть возможно полной, въ смыслѣ приближенія къ своему первообразу, сообразуясь, конечно, съ мѣстомъ, временемъ и обстоятельствами.

Въ общемъ, она могла-бы свестись къ слѣдующему положенію. Всѣ вѣрующіе общины, собравшись свободно, избираютъ церковно-приходскіе совѣты. Совѣтъ избираетъ изъ своей среды, за исключеніемъ священно-служителей, которые могутъ съ одобренія епископа и извнѣ ея, исполнителей для внутренней и внѣшней, духовной и хозяйственной жизни и дѣятельности общины и руководить ихъ дѣйствіями, отдавая отчетъ общимъ собраніямъ. Не должно бояться, что это будетъ первымъ шагомъ на открывающемся пути новой церковно-религіозной жизни русскаго народа. Въ пользу прихода и приходской организаціи говорятъ и исторія и данное положеніе вѣры и Церкви.

Л И Т Е Р А Т У Р А:

Бахметевъ, А.—Разсказы изъ исторіи христіанской Церкви. 2 ч., изданіе 6-е. М. 1889 г.

- VI 5170
- Робертсон, Д.—Исторія христіанской Церкви. 2 тома. Переводъ Лопухина. Спб. 1890—91 г.
- Лебедевъ, А.—1) Вселенскіе соборы 2 тома. Сергіевъ и Москва. 1896 и 1897 гг.
2) Исторія раздѣленія церквей. М. 1900 г.
3) Очеркъ внутренней исторіи византійской церкви въ IX—XI вв. М. 1902 г.
- Терновскій —Греко-восточная церковь въ періодъ вселенскихъ соборовъ. Кіевъ. 1883 г.
- Суворовъ, Н.—Учебникъ церковнаго права. Ярославль 1898 г.
- Бахметевъ, А.—Разсказы изъ русской церковной исторіи. 2 ч. Изданіе 2-е. М. 1894 г.
- Макарій, митр. моск.—Исторія русской Церкви. 12 т. Спб. 1857 г.
- Филаретъ, арх. черниг.—Исторія русской Церкви. Черниговъ. 1862 г.
- Голубинскій, Е.—Исторія русской Церкви. 2 т. М. 1900 г.
- Турчаниновъ —О соборахъ русской Церкви. М. 1829 г.
- Григоровичъ —О соборахъ русской Церкви. М. 1866 г.
- Знаменскій, П.—Приходское духовенство въ Россіи. Казань. 1873 г.
- Перовъ, И.—Епархіальныя учрежденія въ русской Церкви въ XVI и XVII в. Рязань. 1882 г.
- Покровскій, И.—Русскія епархіи въ XVI—XIX вв. Казань. 1897 г.
- Каптеревъ, Н.—Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. М. 1874 г.
- Горичковъ, М.—Монастырскій приказъ. Спб. 1868 г.
- Милотинъ, Вл.—О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи.
- Шляпкинъ, И.—Св. Димитрій Ростовскій и его время. Спб. 1891 г.
- Самаринъ, Ю.—Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Собр. соч., т. V.
- Знаменскій, Ив.—Положеніе духовенства въ царств. Екатерины II и Павла I. М. 1880 г.
- Знаменскій, П.—Чтенія изъ исторіи русской Церкви за время царствованія Александра I. Казань. 1885 г.
- Руновскій, Н.—Церковно-гражданскія законоположенія въ царствованіе Александра II. Казань. 1898 г.
- Ивановскій, Я.—Обозрѣніе церковно-гражданскихъ узаконеній по духовному вѣдомству. Спб. 1900 г.
- Завьяловъ, А.—Циркулярные указы Св. Пр. Синода 1867—1900 г. Спб. 1901 г.
- Макарій, митр. моск.—Исторія русскаго раскола. Изданіе 3-е. М. 1889 г.
- Щаповъ, А.—Русскій расколъ старообрядчества. Казань. 1859 г.
- Прусовъ, А.—Расколъ—сектантство. М. 1887 г.
- Субботинъ, Н.—Современныя лѣтописи раскола. 2 в. М. 1869 и 70 гг.
- Сахаровъ —Указатель литературы о расколѣ. 2 в. М. 1887 г.
- Чистовичъ, И.—Очеркъ исторіи западно-русской Церкви.
- Сливовъ, И.—Иезуиты въ Литвѣ.
- Кояловичъ, М.—Литовская церковная унія.
- Флеровъ, І.—О православныхъ церковныхъ братствахъ.
- Голубевъ, С.—Кіевскій митр. Петръ Могила и его сподвижники.
- Кривошеинъ, Ю.—Пятидесятилѣтіе воссоединенія западно-русскихъ униатовъ и православной Церкви.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ:

- 1) Освободительное движеніе въ исторіи Россіи.

Цѣна 15 коп.

- 2) Настоящее состояніе средней школы и средства ея возрожденія. Цѣна 25 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

Великій русскій крестьянинъ Иванъ Тихоновичъ Посошковъ.

Его жизнь и литературные труды.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ У АВТОРА:

Москва, Большая Полянка, домъ Горайновыхъ.